

·thebigbook·

Собиратели ракушек

•

Возвращение домой

•

Сентябрь

•

Под знаком Близнецов

•

Дикий горный тимьян

•

Карусель

•

В канун Рождества

•

Голоса лета

•

Штормовой день

•

Начать сначала

•

Конец лета

•

Пустой дом

•

Снег в апреле

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ШТОРМОВОЙ
ДЕНЬ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 32

Rosamunde Pilcher
THE DAY OF THE STORM
Copyright © 1975 by Rosamunde Pilcher
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Елены Осеневой
Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-21682-2

© Е. В. Осенева, перевод, 2003
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

Все это началось в понедельник в конце января. Унылый день и унылое время года. Рождество и новогодние праздники остались позади, и как будто не было их, а весной еще и не пахло. Лондон был сырым и холодным, магазины манили пустыми надеждами и «Товарами в дорогу». Деревья в парке стояли голые, и сквозь их кроны, как кружево, просвечивало низкое небо; прибитый газон выглядел унылым и мертвым, и невозможно было поверить, что когда-нибудь он вновь расцветится коврами лиловых и желтых крокусов.

Словом, день как день. Будильник прозвенел в темноте, начавшей бледнеть в широких квадратах незашторенных окон, в которых уже обозначилась верхушка платана, высвеченная оранжевыми отблесками далеких уличных огней.

В моей комнате не было другой мебели, кроме кушетки, на которой я лежала, и кухонного стола, который я все собиралась, когда будет время, отшкурить и отполировать воском. Даже

пол в комнате был ничем не прикрыт: голые доски упирались в светлые панели деревянной стеной обшивки. Ящик из-под апельсинов служил ночным столиком, а второй такой же ящик исполнял роль стула.

Вытащив руку из-под одеяла, я включила свет и с полнейшим удовольствием обозрела безотрадную картину. Вот он, мой первый дом. Я переехала сюда всего три недели назад, и принадлежало все это мне одной. В комнате я могла делать, что мне заблагорассудится: хочешь — развесь на белых стенах постеры, хочешь — выкраси стены в оранжевый цвет. Можешь отциклевать пол, а можешь разукрасить его полосками. У меня уже начал проявляться зуд приобретательства — не могла пройти мимо лавок подержанных вещей и антикварных магазинов, все выглядывая в витринах какое-нибудь сокровище, что было бы мне по карману. Именно таким образом я стала обладательницей стола и теперь замахивалась на старинное зеркало в золоченой раме, но никак не могла решиться войти в магазин и узнать цену. Может быть, я повешу его над камином или напротив окна, чтобы в нем отражались небо и верхушка платана, и тогда получится картина в богатой раме.

Эти приятные мечты отняли у меня некоторое время. Я опять взглянула на циферблат будильника, поняла, что поздно, и, выкарабкав-

шись из постели, босиком прошлепала по голому полу к крохотной кухоньке, где зажгла газ и поставила на плиту чайник. Так начался этот день.

Квартира моя располагалась в Фулеме на верхнем этаже маленького однотипного особнячка в ряду других таких же особнячков и принадлежала Джону и Мэгги Трент. С ними я познакомилась на Рождество, которое встречала со Стивеном Форбсом, его женой Мэри и целым выводком неопрятных детишек в их большом неопрятном доме в Патни. Стивен Форбс был моим хозяином, владельцем книжного магазина на Уолтон-стрит, в котором я уже год как работала. Он проявлял ко мне неизменное внимание, был крайне добр и предупредителен, и когда узнал от одной из девушек-продавиц, что на Рождество я остаюсь одна, от них с Мэри тут же последовало настойчивое приглашение, больше даже похожее на приказ, погостить у них три праздничных дня. «Места у нас полно, — путано уговаривал он, — и на чердаке комната есть, и в комнате у Саманты лишняя кровать, да где угодно, вы же не будете привередничать, правда ведь? А кроме того, поможете Мэри управиться с индейкой и подмести клочки оберточной бумаги, раскиданные по всему дому».

Посмотрев на ситуацию под таким углом зрения, я в конце концов согласилась и прекрас-

но провела время. Что может быть лучше семейного Рождества, когда кругом дети, и шум, и оберточная бумага, и подарки, и хвойный запах рождественской елки, сверкающей игрушками и кривоватыми самодельными украшениями!

На второй день Рождества, когда детей наконец уложили спать, Форбсы устроили вечеринку для взрослых, при этом детские забавы так и продолжались, и тут-то подросли Мэгги и Джон. Тренты были молодоженами. Она — дочь оксфордского профессора, хорошего знакомого Стивена еще со студенческих лет, хохотушка, девушка веселая и открытая. Стоило ей появиться — и вечеринка оживилась, гости встряхнулись, и веселье пошло-поехало. Нас представили друг другу, но поговорить удалось, лишь когда начались шарады и мы очутились бок о бок на диване и совместно попытались понять, что означает странная жестикуляция Мэри, старавшейся в пантомиме изобразить нам название фильма. «„Розмари“! — неизвестно почему вопил кто-то из гостей. — „Заводной апельсин“!»

Мэгги закурила сигарету и безнадежно откинулась на спинку дивана.

— Нет, мне это не по силам! — воскликнула она, и темноволосая ее головка повернулась ко мне. — Вы работаете у Стивена в магазине, да?

— Да.

— Я загляну к вам на той неделе: надо потратить книжные талончики, у меня их много накопилось.

— Вам повезло.

— Мы только что вселились в наш первый дом, и надо же что-то кинуть на кофейные столики, так, чтобы друзья думали, что я жуть какая умная!

Тут кто-то выкрикнул:

— Мэгги! Теперь твоя очередь.

— Вот черт! — прошипела она и, вскочив, отправилась узнать, что ей предстоит разыгрывать.

Не помню ее роли, помню только, что, глядя на то, как она весело дурачится, я чувствовала к ней большую симпатию и радостно предвкушала новую встречу с ней.

Встреча не замедлила состояться. Как и обещала, Мэгги заглянула в магазин через день-другой после праздников, одетая в куртку-дубленку и длинную лиловую юбку и с сумочкой, набитой книжными талонами. В тот момент клиента у меня не было, и я выглянула из-за аккуратной стопки книг в глянцевого обложках.

— Привет.

— О, вот и вы, как хорошо. Я надеялась вас увидеть! Вы мне поможете?

— Да, конечно.

Вместе мы отобрали кулинарную книгу, новую автобиографию, о которой было много разговоров, и впечатляюще дорогой альбом импрессионистов для пресловутого кофейного столика.

Покупка немного превысила стоимость всех ее талонов, и она, порывшись в сумочке, извлекла оттуда чековую книжку, с тем чтобы уплатить разницу.

— Джон будет в ярости, — сказала она счастливым голосом, выписывая чек красным фломастером. Чек был ярко-желтый, веселенький. — Он говорит, что мы жутко транжирим деньги. Вот. — На обороте чека она написала адрес: «Бракен-роуд, 14, SW6». Она произнесла это вслух на случай, если я не разобрала почерк. — Никак не привыкну писать этот адрес. Ведь мы только что там поселились. Потрясающе, что мы теперь полные владельцы, хотите верьте, хотите нет. Конечно, с первым взносом нам помогли родители, но Джон ухитрился выклянчить у какой-то там строительной фирмы ссуду на остальное. Правда, чтобы выплачивать ссуду, придется сдать верхний этаж, но, думаю, все как-нибудь устроится. — Она улыбнулась. — Вы должны прийти к нам и посмотреть, как мы живем.

— С удовольствием. — Я упаковывала ее книги, старательно выравнивая бумагу и аккуратно подгибая острые уголки. Она наблюдала за мной.

— Простите, это жутко невежливо, но я не помню вашего полного имени. Знаю только, что Ребекка, а как дальше — не знаю.

— Ребекка Бейлис.

— Вы случайно не слышали о каком-нибудь симпатичном тихом человеке, которому требуется квартира без мебели?

Я взглянула на нее. Наши мысли двигались в одном направлении, так что мне даже почти не пришлось говорить. Завязав узелок на свертке, я перерезала бечевку.

— Ну а я подойду?

— Вы? Вы разве ищете жилье?

— До этого момента не искала, а теперь ищу.

— Но это всего одна комната и кухня. А ванной нам придется пользоваться сообща.

— Не возражаю, если вы не возражаете. А также если осилю плату. Ведь я не знаю, сколько вы просите.

Мэгги назвала цену. Я судорожно глотнула и, сделав в уме несколько математических выкладок, сказала:

— Это я осилю.

— А мебель у вас найдется?

— Нет. Я снимаю меблированную квартиру вместе с еще двумя девушками. Но мебель я раздобуду.

— Вы говорите так, словно вам не терпится съехать оттуда, где вы живете.

— Мне терпится, но хочу пожить сама по себе.

— Что ж, но, прежде чем решать, вам неплохо бы зайти и посмотреть квартиру. Как-нибудь вечером, потому что днем мы с Джоном на работе.

— А сегодня вечером? — Я не смогла скрыть нетерпения и произнести это спокойным голосом, и Мэгги рассмеялась.

— Ладно, — сказала она. — Сегодня вечером. — Она взяла изумительно запакованный сверток с книгами и собралась уходить.

Я вдруг запаниковала:

— Но я... я не знаю адреса.

— Да знаете вы адрес! Вот глупышка! Он же есть на обороте чека. Сядете на двадцать второй автобус. Буду ждать вас около семи.

— Приеду, — пообещала я.

Трясаясь на неспешном автобусе по Кингс-роуд, я сознательно старалась притушить в себе энтузиазм. Ведь еду я покупать кота в мешке. Квартира может мне совершенно не подойти, оказавшись чересчур большой, или чересчур маленькой, или неудобной в тысячах отношений, которые и представить себе невозможно. Лучше немного скепсиса, чем последующее разочарование. И действительно: снаружи домик показался мне крайне невзрачным — краснокирпичный особнячок в ряду таких же краснокирпичных особнячков с затейливым входом и удручающей имитацией витража. Но внутри

номер 14 радовал глаз свежей краской и новыми коврами и самой хозяйкой, облаченной в старые джинсы и синий свитер.

— Простите, что я в таком неприглядном виде, но на мне все хозяйство, так что, приходя с работы, я обычно переодеваюсь. Давайте поднимемся, и вы посмотрите что к чему... Повесьте пальто вот сюда, на перила. Джона еще нет, но я сказала ему, что вы придете, и он был в восторге от идеи...

Так болтая без умолку, она провела меня по лестнице вверх в пустую комнату в задней части дома. Она включила свет.

— Выходит на юг в маленький парк. Прежние владельцы пристроили внизу веранду, так что у вас из ее крыши получится балкон.

Она открыла стеклянную дверь, и мы ступили в холодную черную ночь. Я вдохнула лиственный запах парка, запах сырой земли и увидела окаймленную уличными огнями раскинувшуюся внизу пустую черноту. Внезапно подул холодный порывистый ветер, и черная листва платана зашелестела, а потом звук этот утонул в гуле пролетевшего реактивного самолета.

— Прямо как за городом! — сказала я.

— Да, почти, и это тоже преимущество. — Она поежилась. — Пойдемте-ка лучше в дом, пока совсем не заоченели.

Мы опять прошли через стеклянную дверь внутрь, и Мэгги показала мне крохотную ку-

хоньку, переделанную из чулана, а потом, на полуэтаже, куда мы тут же спустились, ванную, которой нам предстояло пользоваться сообща. Наконец мы опять очутились внизу в теплой и неприбранной гостиной Мэгги, и она извлекла бутылку хереса и картофельные чипсы, по ее уверениям засохшие, но мне они показались в самый раз.

— Все еще собираетесь переселяться?

— Больше прежнего.

— Когда бы вы хотели переехать?

— Как можно скорее. На следующей неделе, если вы не против.

— А что будет с вашими товарками по квартире?

— Найдут себе кого-нибудь еще. У одной из них сестра скоро переезжает в Лондон. Наверное, она займет мою комнату.

— А где мебель возьмете?

— О... ну как-нибудь исхитрюсь.

— Надеюсь, — благодушно сказала Мэгги, — тут добрыми гениями окажутся ваши родители, как это обычно водится. Когда я только-только переехала в Лондон, моя мама чего только не надавала мне с чердака и из комода, так что я... — Голос ее замер. Я глядела на нее в грустном молчании, и кончилось тем, что она посмеялась над собой: — Ну вот, опять я разболталась, раскрыла рот и лезу, куда не следует. Простите меня, я, видимо, сказала какую-то идиотскую бестактность.

— Отца у меня нет, а мать живет за границей. Она сейчас на Ибице. Вот почему я и хочу пожить сама по себе.

— Простите. Могла бы без вашей подсказки сообразить, раз вы проводите Рождество с Форбсами. То есть должна была бы догадаться.

— Стоило ли догадываться.

— А ваш отец умер?

По-видимому, она была любопытна, но любопытство проявляла так откровенно и по-дружески, что мне внезапно показалось смешным заператься и скрытничать, как я обычно делала, когда окружающие начинали приставать ко мне с расспросами о семье.

— Не думаю, — сказала я, постаравшись, чтобы это прозвучало легко и как бы между прочим. — Наверное, живет себе в Лос-Анджелесе. Он был актером. Мать сбежала с ним, когда ей было восемнадцать лет. Но вскоре семейный очаг ему наскучил, а возможно, он решил, что карьера для него важнее семьи. Так или иначе, брак их продлился всего несколько месяцев, после чего он взял да смылся, а мать тем временем родила меня.

— Какой кошмар!

— Да, наверное, вы правы. Я старалась над этим не задумываться. Мать никогда о нем не говорила. И не потому, что это ей было очень уж горько или что-нибудь в этом роде, просто то, что прошло и осталось позади, она обычно

забывала. Такое у нее свойство. Смотреть лишь вперед и с оптимизмом.

— А что было потом, после вашего рождения? Она вернулась к родителям?

— Нет, так и не вернулась.

— Вы хотите сказать, что никто не прислал телеграмму со словами: «Вернись, мы все простим»?

— Не знаю. Честное слово, не знаю.

— Вероятно, когда ваша мама сбежала, разразился ужасный скандал, но даже если и так... — Голос ее дрогнул. Видимо, она просто не могла взять в толк ситуацию, которую я хладнокровно воспринимала как данность всю свою жизнь. — Что же это за люди, если они могли так поступить с собственной дочерью?

— Вот уж не знаю.

— Вы, наверное, шутите!

— Нет, серьезно, я не знаю.

— Вы хотите сказать, что не знакомы с собственными дедом и бабкой?

— Я не знаю даже, кто они такие или кем они были. Не знаю, живы ли они еще.

— Неужели вам ничего-ничего не известно? Разве ваша мама совсем вам ничего не рассказывала?

— О, конечно... какие-то обрывки прошлого то и дело возникали в разговорах, но общая картина не складывалась. Ну, знаете, как обыч-

но матери говорят с детьми — вспоминают случаи из жизни или что-то из собственного детства.

— Но Бейлис... — Она нахмурилась... — Фамилия ведь не совсем обычная. И что-то она мне напоминает, а что — не могу вспомнить. Неужели и у вас нет ни одной зацепки?

Мне была смешна ее настойчивость.

— Вы говорите так, словно я очень хотела узнать. Но, видите ли, я этого вовсе не хотела. Не знаешь деда с бабушкой — и скучать потом не будешь.

— Но неужели вам не было интересно узнать, где они жили?

— Я знаю, где они жили. Они жили в Корнуолле. В каменном доме, там холмы и луга спускаются к морю. А у матери был брат Роджер, но он погиб на войне.

— Но как она жила после вашего рождения? Наверное, ей пришлось устраиваться на работу.

— Нет, у нее были кое-какие деньги. Наследство старой тетушки или что-то в этом роде. Автомобиля мы, конечно, не имели и в роскоши не купались, но концы с концами сводили. Она поселилась в Кенсингтоне, на первом этаже дома, принадлежавшего каким-то ее друзьям. Мы прожили там, пока мне не исполнилось восемь, когда меня отправили в школу-интернат, а потом мы, как бы это сказать, стали колесить...

Пилчер Р.

П 32 Штормовой день : роман / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. Е. Осеневой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-21682-2

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» — и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха.

Решительная и независимая Ребекка узнает о том, что она внучка знаменитого художника, и отправляется к нему в Корнуолл — суровый, ветреный и неизменно прекрасный. Там ей придется разгадать несколько семейных тайн и, возможно, обрести настоящее счастье...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР
ШТОРМОВОЙ ДЕНЬ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ольга Золотова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.08.2022. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBB-30636-01-R